

Д.Ф. ТЕРИН

«ЗАПАД» И «ВОСТОК» В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Представления о коренном различии между Западом и Востоком (поначалу в почти интуитивной, неотрефлексированной форме) сложились в европейской науке об обществе еще в XVIII в. Особенно отчетливо эти представления выражены, например, в «Персидских письмах» Ш. Монтескье. Задолго до возникновения понятия социального института внешнее несходство, несводимость друг к другу «западного» и «незападного» способов общественного бытия объяснялись отсутствием на Востоке частной собственности, приводящим будто бы к «всеобщему рабству». По мере утверждения идеи прогресса представление о вечности (по крайней мере, со времен возникновения цивилизации) двух типов общества постепенно сменялось представлением об их исторической преемственности: «Запад» начал рассматриваться как форма, возникающая на определенном этапе исторического развития, и, соответственно, более прогрессивная (а не просто «лучшая» или «более правильная») по сравнению с «Востоком», а современные тому или иному исследователю «восточные» общества — как отставшие от западных в развитии. В XIX в. представления такого рода стали, бесспорно, господствующими. В XX в. дихотомия «Восток — Запад», переосмысленная в категориях «традиционного» и «современного», считалась уже основным различием в социальной теории.

Однако успех теорий «традиционного/современного», как в данном случае следует назвать теории модернизации, не означает, что идея противопоставления «Запад — Восток» в своем первоначальном, или весьма близком первоначальному, качестве утратила научную актуальность. Она по-прежнему присутствует в дискурсе современной социологии применительно к цивилизационным аспектам изучения общества. Среди социологов, занимающихся этой проблематикой, можно назвать А.С. Ахиезера, В.В. Ильина, С.Г. Кирдину, Л.М. Романенко и ряд других. Речь в данном случае идет об общем для данных авторов проблемном поле и близости их исходных теоретических принципов, выражающихся в признании двух альтернатив цивилизационного развития и особом внимании к воспроизводству экономических и политических институтов как основному различию этих альтернатив.

Идея цивилизации (автором самого термина в значении, близком к современному, считается В. Мирабо [1]) изначально включала представления как о последовательном улучшении общественных нравов, использовании «разумного подхода» в области права и политики, так и об уже осуществленном, достигнутом европейскими нациями результате этого процесса. Понятие цивилизации, противостоящее «варварству», негражданскому состоянию, весьма удачно зафиксировало отличие Европы от всего остального,

Терин Дмитрий Феликсович — научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, стр. 5. Телефон: (095) 125-00-60. Электронная почта: terin@isras.ru

неевропейского мира. В дальнейшем значение термина «цивилизация» претерпело довольно существенные изменения. Не касаясь здесь истории слов «цивилизация» и «культура» в разных европейских языках, скажем только, что к настоящему времени общественно-научный термин «цивилизация» содержит в своем родовом значении некоторую абстрактную и универсальную характеристику любого общества, преодолевшего первобытное состояние, а в видовом значении — конкретную социокультурную общность, носительницу этой универсальной характеристики, существующую наравне с другими подобными общностями. Аналогично этому и абстрактное понятие культуры сосуществует в науке с представлением о множестве конкретных культур. Такое различие родового и видового значения единого понятия позволяет сохранить при сравнительном исследовании конкретных обществ идею единой человеческой цивилизации как универсальной качественной специфики всех развитых обществ. Эта специфика представляет собой некоторый принципиально иной по сравнению с «естественной» первобытностью искусственный, рукотворный социальный порядок, порядок господства и подчинения, обеспеченный экономикой, разделением труда и обменом; тип общества, характеризующийся значительной структурной дифференциацией и наличием ряда обязательных институтов, классифицируемых как экономические, политические, стратификационные и т. п.

При рассмотрении «Цивилизации» и цивилизаций со строчной буквы можно выбрать один из двух углов зрения: в первом случае предмет пристального внимания станут скорее символы, ценностные и идеологические системы, нежели социальные практики, скорее религия или миф, чем экономика; во втором же — наоборот. Первый подход (представленный в социальной науке именами О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Бэбби, Д. Уилкинсона, Ш. Эйзенштадта, В. Мак-Нейла, С. Хантингтона, С. Ито и других авторов) порождает разнообразные классификации или перечни локальных цивилизаций, число которых сильно варьирует от автора к автору — в прямой зависимости от основного критерия, позволяющего назвать то или иное общество или группу обществ отдельной цивилизацией. Однако существование этих локальных цивилизаций, независимо от их числа, не посягает на единую человеческую цивилизацию, Цивилизацию с большой буквы.

При втором подходе, который именуется здесь институциональным, упор делается на господствующие социальные практики вплоть до символических структур. Обращение к социальным практикам утверждает такой подход в качестве собственно социологического, в отличие от культурологического и прочих возможных подходов. Вторая его черта — пугающая неизбежность существования двух (практически всегда именно двух) цивилизаций, — на наш взгляд, является результатом воздействия старой идеологии «Запад — Восток». Данная концепция в том виде, в каком она присутствует в научном дискурсе, радикально порывает с представлениями об универсальности строения цивилизованных обществ, поскольку проводит столь же глубокие различия между «Западом» и «Востоком», как и между каждым из этих цивилизационных типов общества и обществами доцивилизованными (первобытными). При этом нередко игнорируются данные палеосоциологии и исторической антропологии о высокой сложности социальной организации так называемых примитивных обществ.

В чем же конкретно выражаются отличия Запада и Востока в «институциональной» интерпретации, и на чем они, эти отличия, основаны? В.В. Ильин приводит список из 23 парных реципрокных признаков, различающих Запад и Восток: либеральность — властность, правообразность — волонтарность, самоорганизованность — директивность, дифференцированность — синкретичность, партикулярность — абсолютичность, индивидуальность — коллективность и т. д. [2, с. 28]. «Западный» и «восточный» наборы этих признаков представляют собой противостоящие ценностные комплексы; вместе с тем они, по мысли автора, выступают атрибутами институционально-технологической, то есть именно цивилизационной идентичности индивидов. Запад и Восток здесь различаются по способу поддержания и воспроизводства жизни, по своим жизненным устоям, по способу «вершения исторического бытия». При этом мотив цивилизационного противостояния Запада и Востока усиливается подчеркиванием специфики механизмов деятельности и воспроизводства жизни на Западе как гражданских: семантика слова «цивилизация» (от латинского *civilis* — городской, гражданский) в таком случае «работает» на признание «настоящей» цивилизацией одной только Запада.

А.С. Ахиезер полагает, что различия двух форм цивилизации (или «суперцивилизации» в его терминологии) основаны на двух принципиально разных типах воспроизводства: статичном, направленном на сохранение исторически сложившейся культуры и уровня эффективности («традиционная суперцивилизация»), и интенсивном, связанном с прогрессом социальных отношений, культуры и самой воспроизводственной деятельности («либеральная суперцивилизация») [3, с. 107]. Эта идея явно перекликается с мыслями А. Тойнби о том, что не в наличии или отсутствии институтов и не в разделении труда, а именно в направленности подражания заключается основное различие между цивилизацией и первобытным («примитивным») обществом: в первобытном обществе оно направлено в сторону старых поколений, а в цивилизованном обществе — в сторону творческих индивидов [4, с. 49]. Но если для Тойнби (выделявшего, кстати, больше двух десятков локальных цивилизаций) сущность цивилизации состояла в ее способности к развитию, то отечественный исследователь оставляет право на прогресс только одной из двух ее форм.

Прогресс как «особый тип систематических социокультурных изменений, ведущих от традиционной к либеральной суперцивилизации и составляющих ценностное содержание последней» [3, с. 359], занимает в чрезвычайно богатом и своеобразном терминологическом аппарате А.С. Ахиезера немаловажное место. Приведенная дефиниция могла бы навести на мысль об ошибочности отнесения данной теоретической схемы к кругу концепций типа «Восток — Запад», тем более что сам автор эти термины не использует. Однако именно этот прогресс нам представляется довольно специфическим. В отличие от классического эволюционистского прогресса, оставляющего массу следов в виде многочисленных стадияльно различающихся форм, повсеместно разбросанных по всем модернизирующимся обществам, этот прогресс (а вернее, его неудачи) порождает лишь некую отягощенную внутренним расколом гибридную промежуточную цивилизацию [3, с. 361], являющаяся не необходимой фазой в процессе, а только неорганичным конгломе-

ратом, механической смесью институтов и идеалов своего прошлого и чужого будущего, возникшей в результате неудачных попыток модернизации. Из-за этого красноречивого, на наш взгляд, отсутствия континуума обязательных промежуточных форм между обозначенными полюсами складывается впечатление, что само движение остается за пределами концепции. Прогресс оказывается не связанным с эволюцией, возможно, даже однократным. И таким образом концепция А.С. Ахиезера в целом имеет все же больше общего с идеей «Восток — Запад», чем с теориями модернизации эволюционистской направленности. Добавим, что само воспроизводство, детерминирующее цивилизационное устройство общества, обозначено у А.С. Ахиезера как «основное определение человеческой деятельности», или собственно деятельность, так или иначе нормативно организованную в своих формах, и в этом плане вся картина традиционной и либеральной цивилизаций представляется, несомненно, институциональной.

Л.М. Романенко при различении обществ «западного» и «восточного» типов обращает внимание на техники организации экономической сферы, интенсивные у «западных» и экстенсивные у «восточных» обществ. По ее мнению, эту разницу определяет изначальное различие условий среды. Интенсивная организация экономической подсистемы обществ западного типа привела к возникновению нового типа социальных систем, отличающихся взаимоотношениями властных структур и экономики [5, с. 45].

Несомненный интерес представляет и вариант, предлагаемый «теорией институциональных матриц» С.Г. Кирдиной. Институциональные матрицы рассматриваются ею как устойчивые системы базовых институтов общества, регулирующие функционирование экономической, политической и идеологической сфер [6, с. 24], и все разнообразие цивилизованных обществ основывается на одной из двух типов матриц, именуемых «восточной» и «западной». Западная матрица характеризуется базовыми институтами рыночной экономики, началами федерации в политическом устройстве и доминированием индивидуальных ценностей в идеологической сфере, а восточная, соответственно, — нерыночной экономикой, унитарной государственностью и приоритетом коммунитарных, надличностных ценностей [6, с. 28]. Хотя базовые институты не исчерпывают всех институциональных форм общества, они доминируют над присутствующими альтернативными, и таким образом, граница между Западом и Востоком в данной концепции проводится не менее категорично, чем в других [6, с. 31].

Исходя из идеи Маркса об определяющей роли материально-технических факторов, или технологической среды, в формировании институтов общества, С.Г. Кирдина обосновывает представление о двух типах, или двух альтернативных общественных свойствах, этой среды, каждый из которых ответственен за воспроизводство одной из двух цивилизационных моделей. Таким образом возникают понятия «коммунальной» и «некоммунальной» среды. Первый тип предполагает ее использование как нерасчлененной системы, а второй — возможность технологической обособленности важнейших элементов инфраструктуры [6, с. 39, 40]. Свойства коммунальной и некоммунальной среды суть отражения свойств хозяйственного ландшафта: его однородности/неоднородности или присущего ему уровня хозяйственных рисков [6, с. 42]. На наш взгляд, весьма примечательно, что эти

свойства фактически не подвержены каким-либо изменениям в ходе технологического прогресса и остаются неизменными внесоциальными гарантами стабильности фундаментальных социальных свойств Востока и Запада.

Как видно из приводимых автором примеров, в любой технологической среде наличествуют некоторые минимальные, неразложимые далее элементы. И в этом смысле крестьянский хутор (как пример некоммунальной среды) столь же нерасчленим на составные части или операции без ущерба для функционирования системы, как и, например, газопровод или железная дорога (как примеры коммунальной среды). Относительные масштабы этих минимальных элементов среды могут быть весьма различны, но все же кажется более вероятным, что они в гораздо большей степени зависят от особенностей конкретной человеческой деятельности, чем от свойств территории, а потому и не могут быть неизменными во времени. Возможно, сам факт, что различные элементы технологической среды, которые можно считать сущностями одного порядка, предстают здесь в качестве принципиально разных, альтернативных основ или условий формирования социальных институтов, является эффектом, зависящим от методологической «оптики» исследователя. Поскольку речь, собственно, идет об общетеоретических и мировоззренческих основаниях научного вывода, можно только осторожно напомнить о существовании максимы, призывающей не объяснять социальное через несоциальное. Во всяком случае, примордиальный характер «коммунальной» и «некоммунальной» среды очевиден. Если же не пытаться выводить свойства социальных институтов (пусть и опосредованно) из неизменных свойств ландшафта, то тогда и судьба трактуемых дихотомически различий, на основании которых делаются серьезные выводы о цивилизационной природе того или иного общества, может оказаться совсем другой.

Как уже говорилось выше, особое значение при противопоставлении двух цивилизационных типов всегда придается экономической подсистеме общества. Сфера экономики, или хозяйственной деятельности, как известно, охватывает область совершения выбора, который делают люди, используя редкие, ограниченные ресурсы для удовлетворения своих потребностей [7, с. 8]. Пока существуют редкие ресурсы, существуют и экономические институты — долговременные социальные практики, упорядочивающие человеческую деятельность в этой области¹. С точки зрения институционального подхода, общее на этом заканчивается, поскольку все существующие и когда-либо существовавшие за время цивилизации экономические институты раскладываются на две принципиально разные, альтернативные экономики, в общем виде обозначаемые как «рыночная» и «нерыночная». Различия экономик Запада и Востока в таком случае могут рассматриваться либо опосредованно — исходя из существования/несуществования института частной собственности [2, с. 31–32; 3, с. 460–467; 5, с. 55], либо непосредственно — с точки зрения доминирования одной из двух форм интеграции в хозяйствен-

¹ Не вдаваясь в толкования понятия «редкий ресурс», можно принять утверждение, что слабая выделенность экономических институтов в доцивилизированном обществе связана с отсутствием ресурсов, которые считались бы редкими. В этом смысле доцивилизированное общество является в каком-то смысле еще и «доэкономическим».

ной деятельности: обмена или распределения. В последнем случае частная собственность занимает место среди других базовых институтов рыночной («западной») экономики, таких, как конкуренция, обмен, найм труда, прибыль как критерий эффективности [6, с. 58, 59].

Более общей и всеобъемлющей представляется тема рыночной и нерыночной (распределительной, редистрибутивной) экономик как характернейшего отличия двух типов общества в экономической сфере. Даже когда говорится о том, что обе эти экономики крайне редко существуют в чистом виде, все же обычно имеется в виду, что по крайней мере для рыночной экономики такое возможно, а потому и критерий «рыночный/нерыночный» может служить основанием для типологии на институциональном уровне. Здесь необходимо одно уточнение, важное именно с точки зрения типологической ценности этого критерия.

Современная экономическая теория признает существование двух основных принципиально возможных способов координации бесчисленных случаев экономического выбора — стихийный порядок и иерархию. Воплощением принципа стихийного порядка в реальных экономиках служит рынок, основанный на взаимодействии независимых сторон в ответ на экономические стимулы, а воплощением иерархического принципа — фирма. Пытаясь ответить на вопрос о том, почему фирмы всегда построены на иерархических принципах, если «невидимая рука» рынка столь хорошо справляется с координацией на макроэкономическом уровне, экономическая теория в конце концов пришла к выводу о том, что фирма (а стало быть, и иерархия) является средством экономии непроизводственных затрат, которые всегда возрастают пропорционально сложности конкретной задачи [7, с. 288–292]. Этот вывод только на первый взгляд может показаться далеким от темы различий Запада и Востока. На самом же деле он означает, что именно в той мере, в какой хозяйственная деятельность является деятельностью рационально обустроенной, она в своей непосредственной форме всегда организована иерархически. И сколь бы ни была та или иная конкретная экономика рыночной, «открытой» и т. п., рыночные принципы координации не преодолевают границы фирмы. Базовый экономический институт современных обществ — фирма — всегда основан на нерыночных принципах организации. Отсюда следует, что иерархия неизбежна, стихийный же порядок рыночного обмена — только возможен (что подтверждается исследователями нерыночных экономик), а стало быть, модальность самих этих признаков разная и они не могут составлять дихотомическую пару.

В институциональном подходе к цивилизации различия в политических институтах Запада и Востока до известной степени являются как бы продолжением различий в их экономических институтах. С точки зрения С.Г. Кирдиной, политическая (и выделяемая ею отдельной строкой идеологическая) система Запада регулируется базовыми институтами федерации и субсидиарности, в то время как восточной институциональной матрице свойственны унитарность и коммуитарность [6, с. 72–73, 104–108]. «Субсидиарность» в системе федеративных отношений обозначает приоритет более мелкой самоуправляющейся общности перед общностью более высокого уровня, но в самом общем смысле этот термин означает более высокую ценность «Я» по отношению к «Мы», примат личного начала, важнейший

принцип, как бы насквозь пронизывающий все институции Запада. Если вспомнить, что выше говорилось о природе фирм, то эти верные по-своему положения следует, на наш взгляд, дополнить. Типичный индивид, проводящий по 8 часов ежедневно на работе в фирме, примерно половину времени своего нахождения в реальности повседневной жизни включен в жесткую иерархическую структуру, внутри которой субсидиарность никак не проявляется. Внутреннюю среду фирмы следовало бы определить как вполне коммунитарную; в то же время именно фирма выступает преимущественным носителем свойств индивидуальности и субсидиарности. Субсидиарность же индивида в такой системе чем-то похожа на Юрьев день русского крепостного, ибо, пользуясь свободой выбора конкретной иерархии, нельзя тем не менее отменить законы рационального (то есть иерархического) устройства фирмы — это было бы равносильно посягательству хаоса на порядок. В то же время, именно исходя из представлений о социальном порядке как о взаимообусловленности основных институтов, следует признать, что свойство иерархичности, приписываемое обыкновенно Востоку, на самом деле является неотъемлемой частью любой социальной системы, достигшей уровня цивилизации. Таким образом, помимо черт, отличающих Запад от Востока (то есть, собственно, от иных цивилизационных вариантов), существуют и другие, подтверждающие их глубинное сходство, сродство.

Когда речь идет о политических институтах, то, конечно, прежде всего имеется в виду государство. Государству как самому наглядному и бесспорному признаку цивилизации в институциональном подходе отводится значительное место. А.С. Ахиезер объясняет происхождение государства, возникающего в традиционной цивилизации, экстраполяцией ценностей и свойств «локальных миров», то есть общин, на большое общество. Традиционная цивилизация характеризуется в институциональном плане синкретическим государством, синкретизм которого связан своим происхождением с синкретизмом локальных сообществ, слиянием власти и собственности [3, с. 509]. Такому традиционному государству — синкретическому и авторитарному — противостоит его либеральная антитеза, основанная на разделении властей, господстве права, рынка и свободы личности [3, с. 130]. В совместной работе В.В. Ильина и А.С. Ахиезера, посвященной теории государства, заметная часть материала также излагается в цивилизационном аспекте. Они подчеркивают интегративную роль государства в институционализации межсубъектных связей [8, с. 47, 48], объективный характер управленческого обеспечения воспроизводственного процесса. В силу всех действующих факторов наиболее адекватной задачей оптимального воспроизводства социальности, связанного с ирригационным земледелием, оказалась на Востоке государственность в форме деспотии, жесткого диктаторского единоначалия [8, с. 35]. Если принять во внимание сказанное выше об иерархических структурах, то нет нужды специально выводить их существование из «ирригационного земледелия на аллювиальных почвах» (и апеллировать, таким образом, адресно или безадресно, к известной теории «гидравлических обществ» К. Виттфогеля); бесспорной здесь остается только генетическая связь подобных структур и механизмов цивилизации.

В теории институциональных матриц С.Г. Кирдиной, как уже отмечалось, государство западного институционального типа в общем виде имену-

ется «федеративным»; среди его институтов называются самоуправление, выборы, многопартийность [6, с. 73–79] и тому подобные политические практики, сложившиеся в основном в течение последних двух веков. В то же время для характеристики восточной политической системы чаще используются примеры из более отдаленной эпохи, и в этом, видимо, нет противоречия. Если говорить об институциональном подходе в целом, именно на фоне сравнительного анализа государственности Запада и Востока как цивилизационных типов вполне отчетливо виден внеисторический, абсолютный статус, придаваемый этим категориям. «Восток есть Восток, а Запад — Запад», — повторяет В.В. Ильин вслед за Р. Кипплингом [2, с. 29].

Безусловно, особое выделение экономических и политических институтов при анализе социальных систем оправдано (помимо прочего — еще и существующей авторитетной традицией), но, как бы ни были важны с этой точки зрения экономическая и политическая сферы цивилизованного общества, они далеко не исчерпывают всех форм человеческой деятельности, подверженных опривычиванию, типизации, институционализации. Используемые при сопоставлении Запада и Востока институциональные комплексы не полны, включают в себя не все группы институтов. Отсутствие интереса, скажем, к институтам родства, семьи, первичной социализации при таких сравнениях вполне объяснимо — они старше цивилизации, а потому вряд ли различия в них могут послужить удобным критерием различия ее вариантов. По-другому обстоит дело с институтами стратификации. Хотя авторы, концепции которых здесь рассматриваются, нечасто пользуются терминами «статус», «группа», «слой» и т. д., сама тема различия социальных практик и норм, относящихся к неравенству, в подходе присутствует, составляя содержание дилеммы «власть — собственность». Так, В.В. Ильин, проводя различия институтов Запада и Востока по линии «власть — собственность», видит отличительные особенности Востока в примате власти над собственностью, отсутствии явного субъекта собственности и субъекта гражданских прав и, как следствие, — в преимущественном распространении вертикальных (субординативных) социальных связей (в отличие от горизонтальных, партнерских связей на Западе). Западная модель, по его мнению, благодаря рано развившемуся частному праву исключала зависимость собственности от власти, хозяйственной деятельности — от государства; восточная же исключала само собственничество, ее социальная структура воспроизводилась как рангово-статусная иерархия [2, с. 31–33]. У Л.М. Романенко дилемма власти и собственности находится в центре институциональных различий «западного» и «восточного» типов социальных систем. Эмансипация института собственности на Западе, по ее мнению, привела к возникновению двух различных лестниц социальной иерархии: одна основана на отношениях власти, вторая — на отношениях собственности. Актуализация этой второй основы стратификации имела решающее значение для обособления западных обществ. В итоге основу социально-стратификационной структуры на Западе образует совокупность экономически и политически самостоятельных субъектов, класс собственников, средний слой [5, с. 55–58]. Дальнейшие различия этих типов социальных систем описываются в терминах двух моделей гражданского общества, различающихся преимущественным характером социальных взаимодействий, субъектами взаимодействия и т. д. [9].

Акцентирование признаков разделенности/нераздельности власти и собственности фактически всегда означает понимание этих двух категорий как антагонистических стихий, конфликтующих или даже исключających друг друга принципов. Чтобы не вдаваться в специальное рассмотрение этого непростого вопроса, скажем коротко, что в современной социологии существует и противоположная, весьма распространенная и авторитетная точка зрения на взаимоотношения власти и собственности. Согласно ей «собственность реально раскрывается как процесс распоряжения, владения и присвоения. Это означает, что собственность суть властные отношения, форма экономической власти. Это власть владельца предмета над теми, кто им не владеет, но в то же время в нем нуждается» [10, с. 26]. Власть и собственность являются базовыми понятиями неравенства, но и та и другая категория обозначают возможность распоряжения различными ресурсами общества. Принятие такой логики сразу же лишает отношения собственности и власти характера дилеммы.

Когда же именно в мировой истории произошло разделение человечества на два цивилизационных типа? Учитывая сказанное выше, тот же вопрос можно сформулировать и по-другому: когда именно появился Запад?² По С.Г. Кирдиной, Запад и Восток возникают одновременно с возникновением первых цивилизаций, причем государства Двуречья приводятся ею в качестве примера западной институциональной матрицы, а Древний Египет — восточной [6, с. 45]³. И хотя древнему Двуречью нельзя приписать весь объем базовых институтов Запада, данный тезис, основывающийся на внутренней логике концепции, имеет опору и вовне — в существующем в отечественной исторической науке представлении о разных путях развития обществ ранней древности (см., например, [11]). Но все же более распространена точка зрения, согласно которой Запад возникает из античной полисной организации. Л.С. Васильев, например, пишет: «Только раз в истории в результате своего рода социальной мутации на базе этого строя [«восточного»] в уникальных природных, социально-политических и иных обстоятельствах возник иной, рыночно-частнособственнический, в его первоначальной античной форме» [12, с. 142]. В то же время у В.В. Ильина Восток характеризуется, помимо всего прочего, тем, что «на Востоке в противоположность Западу нет экономических классов, есть правовые слои и бесправные» [2, с. 32]. Из этого как будто можно сделать вывод, что появление Запада следует датировать только моментом уничтожения сословий как слоев с юридически закрепленным разным объемом прав или даже временем распространения всеобщего избирательного права на женщин и т. п. Легко заметить, что и во многих других случаях черты, абстрактно представляемые как атрибуты Запада, имеют совсем недавнее происхождение. Все это может привести к мысли о том, что

² Широко распространенное представление о том, что Запад в конечном счете появляется в ходе событий, породивших современность (modernity), тесно связано с теориями модернизации. Такой «относительный» Запад есть, конечно, только фаза развития и синоним современности. Запад же в той бинарной конструкции, о которой идет речь, — это абсолютный Запад.

³ Характерно, что В.В. Ильин и А.С. Ахиезер рассматривают древнее Двуречье как Восток [8, с. 37].

Запад возник очень поздно, очень близко к современности, или даже к совершенно крамольной идее, что он, может быть, еще не возник.

На наш взгляд, Запад — именно такой абсолютный Запад — и в институциональном подходе имеет вид проекта или, может быть, метафоры современности. Исчезновение абсолютно альтернативного Запада (Запада из известной формулы *the West and the Rest*) естественным образом привело бы к тому, что, лишившись своей альтернативы, и Восток перестал бы быть Востоком как целостностью, обладающей непременно единством основных институтов.

Для самого институционального подхода к цивилизации это, по нашему мнению, было бы только к лучшему, поскольку, может быть, позволило бы объяснить многие спорно трактуемые факты и ответить на вопросы вроде такого, например: почему господство принципа коллективности (или коммунитарности), породив государственный социализм на Дальнем Востоке, не смогло породить его на Ближнем? И вполне допустимо, что даже проблема цивилизационного статуса России, являющаяся главной или, по крайней мере, заглавной темой большинства процитированных работ, но при этом по-прежнему остающаяся дискуссионной, нашла бы в этом случае удовлетворяющее имеющимся фактам решение.

Варианты цивилизации различаются между собой институционально (или — в том числе и институционально); это, пожалуй, является общепризнанным фактом. Но максимально высокий, равный самой Цивилизации, таксономический статус Запада и Востока в рассмотренной версии институционального подхода представляется только данью дихотомическому мышлению. Реальность же цивилизации представляется все-таки сложней.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Февр Л.* Цивилизация: Эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 239–281.
2. *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская цивилизация: Содержание, границы, возможности. М.: Изд-во МГУ, 2000.
3. *Ахиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
4. *Toynbee A.* A Study of History / Abridgment of vol. I-VI by D.C. Somervell. New York: Oxford University Press, 1957.
5. *Романенко Л.М.* Социальные технологии в трансформационных процессах российской модели гражданского общества. Ч. 1. М., 1996.
6. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
7. *Долан Э. Линдсей Д.* Микроэкономика. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1994.
8. *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская государственность: Истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997.
9. *Романенко Л.М.* Социальные технологии разрешения конфликтов гражданского общества: Экзистенциальные альтернативы современной России на пороге третьего тысячелетия. М.: Центр конфликтологии Ин-та социологии РАН, 1998.
10. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.
11. История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. [Кн. 1.] Ранняя древность. М.: Наука, 1989.
12. *Васильев Л.С.* Цивилизации Востока: Специфика, тенденции, перспективы // Цивилизации. Вып. 3. М.: Наука, 1995. С. 141–151.